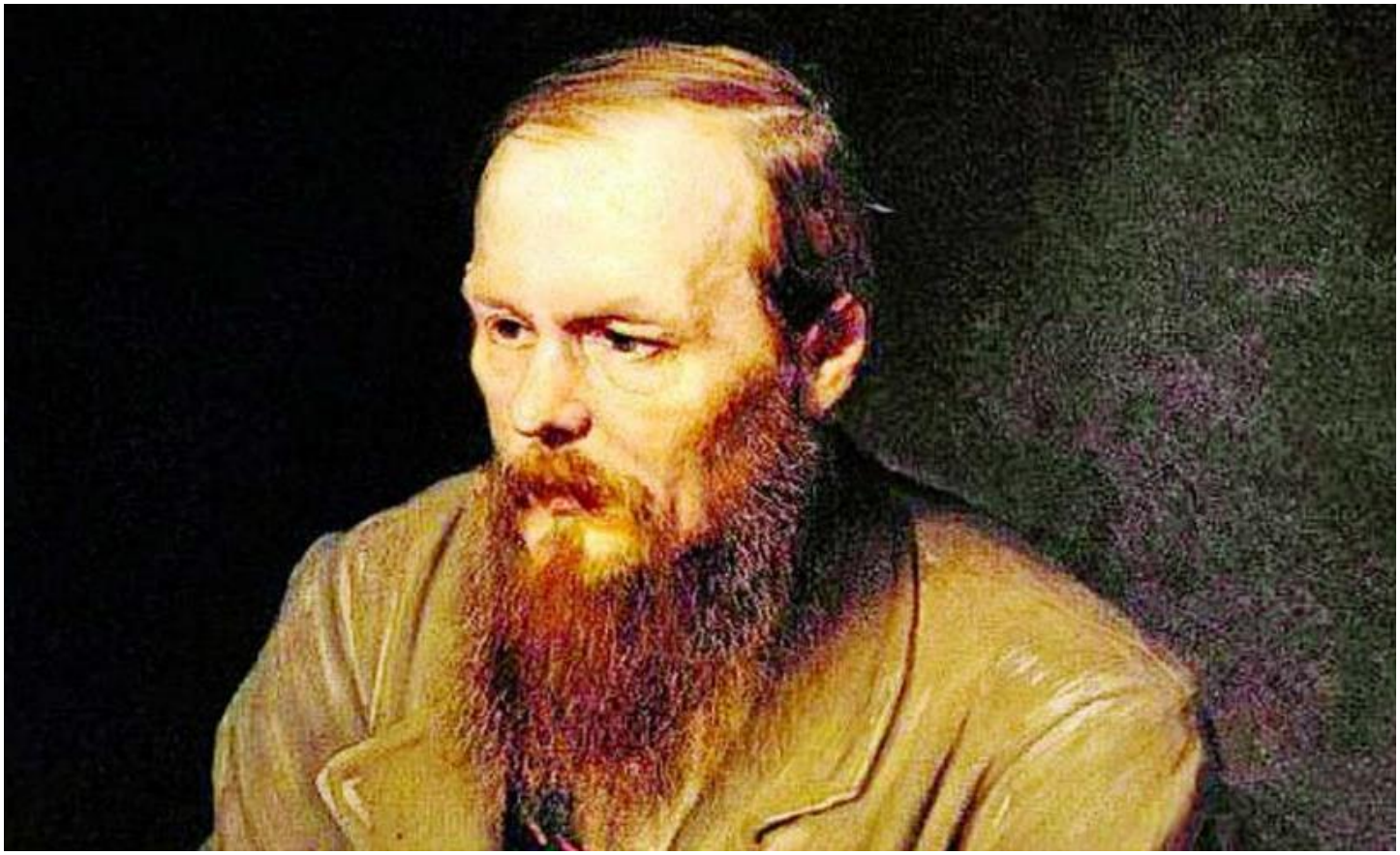
Достоевский и Евангелие

Лекция председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректора Общецерковной аспирантуры и докторантуры, президента Научно-образовательной теологической ассоциации митрополита Волоколамского Илариона ***в Научно-исследовательском университете «Московский энергетический институт»****.*

«Я дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже… до гробовой крышки… И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа…»

Так в феврале 1854 года Федор Михайлович Достоевский писал Наталье Дмитриевне Фонвизиной, жене одного из декабристов, последовавшей в Сибирь за своим мужем. За четыре года до этого, когда Достоевский, приговоренный к каторжным работам, прибыл, закованный в кандалы, в Тобольский острог, она добилась разрешения встретиться с ним и другими осужденными, проходившими по делу «петрашевцев». Каждому из осужденных она вручила по

экземпляру Евангелия – единственной книги, которую разрешалось держать и читать на каторге. И вот сейчас, когда каторга позади и Достоевский ожидает отправки в Семипалатинск для прохождения там военной службы в чине рядового, он рассказывает Фонвизиной о своем «символе веры», который был не просто вычитан им из подаренной книги: он был выстрадан страшным опытом каторги.

Экземпляр, подаренный Достоевскому Фонвизиной, представлял собой первое издание русского перевода Евангелия, сделанного под руководством архиепископа Филарета (Дроздова), впоследствии митрополита Московского и Коломенского. Перевод увидел свет в 1823 году, в царствование императора Александра I, за два года до восстания декабристов. До появления этого перевода Евангелие можно было читать только по-славянски, образованное же сословие читало его по-французски.

Достоевский не расставался с этой книгой ни на каторге, ни в последующие годы. Она была не просто его настольной книгой – она была книгой всей его жизни. Все его произведения, написанные после каторги, пересыпаны цитатами из Нового Завета, аллюзиями на тексты Священного Писания. Многие евангельские образы лежат в основе его философских воззрений, многие изречения Христа становятся отправной точкой в рассуждениях героев его романов. Достоевского невозможно понять без понимания той исключительной роли, которую сыграло Евангелие в его творчестве и жизни.

Достоевский был воспитан в православной вере. Его отец был сыном священника, служил лекарем в Московской больнице для бедных. Мать отличалась глубоким христианским благочестием. По воскресеньям и праздникам вся семья, в которой было семеро детей, ходила в больничную церковь.

По решению отца, отличавшегося, судя по всему, крутым и деспотичным нравом, Федор поступил в петербургское Военно-инженерное училище. Учеба ему неинтересна, и все свое свободное время он посвящает чтению. Постепенно в нем созревает идея стать профессиональным романистом, изучать и описывать человеческие характеры.

В 18-летнем возрасте Достоевский теряет отца, который умирает при трагических обстоятельствах в фамильном имении Даровое: его убивают крестьяне, и два дня его тело лежит в чистом поле.

Смерть отца стала переломным моментом в судьбе Федора. Он тяжело переживает ее. По свидетельству дочери писателя, именно с этого времени в нем проявляются первые признаки эпилепсии. По другому свидетельству, из веселого и шаловливого мальчика он едва ли не в

одночасье превращается в нелюдимого и задумчивого юношу.

В 1844 году Достоевский уходит в отставку с военно-инженерной службы, а в 1845-м заканчивает свой первый роман «Бедные люди». Работа над романом шла с трудом, и Достоевский сомневался в его успехе. Его даже посещали мысли о самоубийстве в случае неудачи. Он писал брату: «Если мое дело не удастся, я, может быть, повешусь»; «А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву».

Роман, вопреки опасениям автора, имел шумный успех. О Достоевском заговорили как о новом явлении в русской литературе. Некрасов, прочитав рукопись за одну ночь, прибежал к Достоевскому в четыре часа утра, чтобы выразить свой восторг. Затем со словами «Новый Гоголь явился!» передал рукопись Белинскому. Тот тоже прочел роман, не отрываясь, и пожелал познакомиться с автором. «Приведите, приведите его скорее!» – сказал он Некрасову.

Белинскому удалось произвести сильное впечатление на молодого Достоевского. В этом много лет спустя признается сам писатель: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма… Как социалисту, ему прежде всего следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма… Тут оставалась, однако, сияющая личность самого Христа, с которою всего труднее было бороться… Но в беспрерывном, неугасимом восторге своем Белинский не остановился даже и перед этим неодолимым препятствием…»

Под влиянием Белинского Достоевский увлекся идеями социализма. Он стал посещать кружок молодых вольнодумцев, собиравшийся по пятницам в доме сотрудника Министерства иностранных дел Петрашевского. Там была разношерстная публика: от утопистов-мечтателей до революционеров, грезивших государственным переворотом и свержением монархии.

На одном из таких собраний Достоевский зачитал злополучное письмо Белинского к Гоголю, в котором критик набрасывается на великого писателя за то, что тот защищал религию и Православную Церковь. Это и стало одним из главных пунктов обвинения против него, когда он в числе других участников кружка был арестован и помещен в Петропавловскую крепость.

Следствие по делу «петрашевцев» велось восемь месяцев и закончилось приговором: лишение всех прав состояния и ссылка в каторжную работу в крепость на восемь лет.

Николай I наложил резолюцию: «На четыре года, а потом рядовым». Однако он пожелал, чтобы для всех участников кружка был устроен «обряд» показательной казни. Идея, очевидно, заключалась в том, чтобы проучить заговорщиков и послать сигнал либеральной общественности:

вот что с вами будет, если не прекратите вынашивать революционные замыслы.

Все детали церемонии были тщательно продуманы лично Государем. Морозным декабрьским утром осужденных вывели на Семеновский плац, где им был объявлен смертный приговор. Троих облачили в белые рубахи и привязали к столбу. Достоевский был во второй тройке, жить ему оставалось, как он думал, не более десяти минут. Подошел священник, все петрашевцы приложились к кресту. И вот когда каждый из осужденных мысленно простился с жизнью, неожиданно последовало объявление о высочайшей милости: о замене смертного приговора каторжными работами.

Четыре года пребывания на каторге нашли отражение в «Записках из Мертвого Дома». В 18 лет Достоевский мечтал заняться изучением человеческих характеров – судьба предоставила ему возможность, которой не имел ни один из русских писателей XIX века. Все они, за немногими исключениями, были дворянами и в своих произведениях изображали разного рода «дворянские гнезда», где бушевали дворянские страсти. Если же они бросали взгляд в сторону простонародья, то смотрели на него свысока или со стороны.

Достоевскому было суждено «войти в народ», но не так, как это делали другие писатели, и не так, как это делали революционеры, ходившие в народ, чтобы заразить его своими идеями. Достоевский оказался на самом дне социальной пирамиды, став одним из тех униженных и оскорбленных, обруганных и ошельмованных, коими были наполнены тюремные камеры.

Именно на каторге Достоевский узнал о той бездне, которая может разверзнуться в душе человека и довести его до страшных, чудовищных преступлений. Многие герои его романов либо совершают преступления, либо вынашивают преступные замыслы. Достоевский знает эту бездну человеческого сердца. «Здесь Бог с дьяволом борются, а поле битвы – сердца людей», – говорит один из его героев.

Каторга не сломила Достоевского, не озлобила его. Страдания его были подчас невыносимыми. Он говорил, что за эти четыре года был похоронен живой и закрыт в гробу…

Но что помогло ему перенести страдания, боль, унижения? Что стало для него источником надежды? Не в последнюю очередь, то самое Евангелие, которое он получил от Натальи Фонвизиной. Четыре года оно лежало у него под подушкой и было его единственным чтением. Вдоль и поперек изучил он эту книгу, наизусть запомнил многие слова Христа. И тот Его сияющий образ, который померк было под влиянием Белинского, вновь засиял в душе писателя, чтобы уже никогда не угаснуть.

Именно об этом говорит Достоевский в письме Фонвизиной, с которого я начал свою лекцию. А в «Дневнике писателя» Достоевский пишет: «Не говорите же мне, что я не знаю народа! Я его знаю: от него я принял вновь в мою душу Христа, которого узнал в родительском доме еще ребенком и которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в “европейского либерала”».

Обратите внимание на то, что Достоевский пишет не об учении Христа, а о Самом Христе. Евангелие – это не книга о нравственности, не сборник нравственных правил и наставлений. Это книга о Христе – о Его личности, о Его жизни, смерти и воскресении. Все христианство построено не вокруг учения, а вокруг Личности. Об этом очень важно помнить, читая Евангелие и читая Достоевского. Всю свою жизнь после каторги он пытался вглядеться в личность Христа, разгадать загадку этой удивительной личности.

Но мир преступников и убийц, с которым он познакомился на каторге, продолжает жить в сердце писателя. И вот, будучи заграницей, он задумывает роман, фабулу которого излагает в письме к издателю Каткову: «Это – психологический отчет одного преступления… Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению, и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шатости в понятиях поддавшись некоторым странным «недоконченным» идеям, которые носятся в воздухе, решился разом выйти из скверного своего положения. Он решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты… Неразрешимые вопросы восстают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берет свое, и он – кончает тем, что принужден сам на себя донести. Принужден, чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям… Преступник сам решает принять муки, чтоб искупить свое дело».

Ключевые слова здесь: Божия правда. Она довлеет над преступником, она выявляется в муках его совести, в его внутренних метаниях и колебаниях. Она же звучит в словах следователя Порфирия, которому не за что зацепиться, кроме как за совесть преступника. Медленно, но верно он начинает склонять Раскольникова к признанию, апеллируя к этой самой Божией правде.

В беседе со следователем Раскольников излагает суть своей теории. Все люди подразделяются на две категории: обыкновенные и необыкновенные. «Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели». Первые представляют собой материал для зарождения себе подобных: они должны быть послушными и жить по закону. Необыкновенный человек ради благородных целей имеет право «разрешить своей совести перешагнуть… через иные препятствия». Через что имеет право перешагнуть необыкновенный человек? «Хотя бы и через труп, через кровь», отвечает Раскольников. По его теории, «законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, все до единого были преступники…»

Антиподом Раскольникова в романе становится следователь Порфирий. По мнению следователя, вера в Бога, в бессмертие и вечную жизнь, в чудеса Иисуса Христа несовместима с теорией, согласно которой цель оправдывает средства. Это два разных, принципиально противоположных и несовместимых подхода к нравственным ценностям.

Многочисленные социалистические и революционные теории, которыми Достоевский увлекался в молодости и которые озвучивались в кружке петрашевцев, не только допускают это право, но и делают его необходимым условием достижения всеобщего счастья. Социалисты учили, что всеобщее счастье возможно благодаря справедливому перераспределению капитала: надо отнять избытки у богатых и отдать бедным. А отъем капитала невозможен без насильственных действий по отношению к его владельцам.

Христианство стоит на принципиально иных позициях. Христианство не признает права человека на достижение каких бы то ни было целей безнравственными и преступными средствами. Более того, Христос вообще не был социальным реформатором и не призывал к изменению общественного строя. Счастье человека Он видел не в материальном богатстве, а в духовной жизни. Царство Божие невозможно построить на земле, но каждый человек может обрести его в собственном сердце.

Переломным моментом в романе становится эпизод, когда Соня Мармеладова читает Раскольникову рассказ из Евангелия от Иоанна о воскресении Лазаря. Этот эпизод очень тщательно, очень подробно прописан Достоевским. А евангельский рассказ включен в роман целиком.

С этого момента начинается постепенное осознание Раскольниковым тяжести совершённого преступления, путь к покаянию и духовному перерождению. Не сразу и не быстро соглашается он сознаться в преступлении. Долго и мучительно идет он к этому «чистосердечному признанию». Он мечется и колеблется: мечется между все более крепнущим желанием повиниться и страхом перед последствиями признания, колеблется между верой и неверием.

И даже после того, как он во всем признаётся и оказывается на каторге, его внутренние терзания продолжаются. Освобождение от теории, которая привела его к преступлению, совершается с огромным трудом. Соня помогает ему в этом, но не словами, а своим молчаливым присутствием, своей безусловной и безграничной верностью.

Роман завершается эпилогом, в котором вновь фигурирует Евангелие. Достоевский его не цитирует, просто обозначает его присутствие в жизни героя: «Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она

читала ему о воскресении Лазаря. В начале каторги он думал, что она замучит его религией, будет заговаривать о Евангелии и навязывать ему книги. Но, к величайшему его удивлению, она ни разу не заговаривала об этом, ни разу даже не предложила ему Евангелия. Он сам попросил его у ней незадолго до своей болезни, и она молча принесла ему книгу. До сих пор он ее и не раскрывал. Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем: “Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере”… Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью».

Эта концовка романа глубоко символична. Раскольников даже еще не раскрыл Евангелие, но именно оно задает главный вектор того процесса, который Достоевский обозначает как обновление и перерождение.

Все романы Достоевского в большей или меньшей мере автобиографичны. Свой жизненный опыт, эпизоды из собственной жизни, свои воззрения, взгляды своих идейных противников – все это распределяет он между персонажами своих романов. И история с Евангелием под подушкой, безусловно, автобиографична. Достоевский, в отличие от Раскольникова, не совершал убийства. Но и он в молодости увлекался теориями, подобными той, которой увлекся Раскольников. В этом заключалось его преступление, и свое наказание он нес как заслуженное, видел в нем возможность переродиться и очиститься. На этом пути Евангелие было его путеводителем, а сияющий образ Христа – путеводной звездой.

«Преступление и наказание» стало первым романом «великого пятикнижия», принесшего Достоевскому мировую славу и признание. В следующих четырех романах он будет развивать и углублять темы, намеченные здесь. И каждый из них станет одной из глав его собственного Евангелия, в котором он будет раскрывать перед читателем образ Христа и великие христианские истины.

В романе «Идиот» Достоевский делает первую попытку приблизиться к личности Христа через образ христоподобного героя. Своей племяннице он пишет: «Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь… На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж, конечно, есть бесконечное чудо. Все Евангелие Иоанна – в этом смысле: он все чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного».

Центральная фигура романа «Идиот» – князь Лев Николаевич Мышкин, потомок древнего дворянского рода, страдающий тяжелым недугом – эпилепсией. Этой болезнью страдал сам

Достоевский.

Но герой Достоевского был не просто эпилептиком. И в названии романа, и в его тексте за ним закреплено наименование «идиот». Сначала сам князь употребляет его в разговоре с генералом Епанчиным, а потом его употребляют все окружающие князя. В какой-то момент князя начинает обижать, что его называют идиотом.

В общей сложности слово «идиот» вместе с производными от него встречается в тексте романа около 60 раз. Но чем чаще звучит это слово, тем более противоестественным оно кажется читателю по отношению к герою, поступки и слова которого демонстрируют исключительное, неземное благородство. Он всем старается помочь, никого не осуждает, всюду являет своим примером высокий нравственный идеал. В духовно-нравственном отношении он неизмеримо выше всех остальных персонажей романа, и каждый по-своему чувствует эту высоту. При этом для всех он остается идиотом, юродивым, человеком «не от мира сего». «Совсем ты князь, выходишь юродивый, – говорит ему Рогожин. – И таких, как ты, Бог любит!»

Создавая образ князя Мышкина, Достоевский вдохновлялся образами некоторых положительных литературных героев, из которых на первое место ставит Дон Кихота.

Однако в каждом положительном герое Достоевский пытается узреть, прежде всего, «сияющий образ Христа». Именно евангельский образ Христа является тем безусловным нравственным ориентиром, который стоит перед глазами писателя и к которому он пытается приблизиться через личность князя Мышкина. В черновых набросках к роману он называл своего героя «князем Христом».

Параллели между Христом и князем Мышкиным многочисленны. Образ жизни, мышления и действий князя резко отличается от всех окружающих. Он – не от мира сего и живет не по законам мира сего, а по евангельскому закону любви и всепрощения. Он нестяжатель, деньги и материальные блага для него ничего не значат. Он не замечает дурных качеств людей, в каждом старается увидеть только хорошее. Он преисполнен любви к людям. Он готов простить каждого еще до того, как тот попросит о прощении.

Подобно тому, как Христос неожиданно вторгся в жизнь людей Своего времени, князь Мышкин неожиданно появляется на сцене, вторгается в устоявшийся быт и оказывается центральной фигурой в жизни целой группы людей. Как при ярком свете, который выявляет не только прекрасное, но и безобразное, в присутствии князя Мышкина не только обнаруживаются замечательные качества людей, но и обнажаются их недостатки и пороки. В этом смысле пришествие князя Мышкина в мир героев романа становится «судом», перед которым каждый из

них должен держать ответ.

Трагедия «идиота» заключается в том, что он хочет жить по своим правилам в мире, где живут по иным правилам. Но в этом же заключалась земная трагедия Иисуса Христа: Он пришел со Своими нравственными нормами в мир, где давно уже жили по иным законам. По человеческим меркам Его проповедь на земле кончилась полной неудачей: Он был осужден и умер страшной, мучительной смертью. Воскреснув из мертвых и вознесшись на небеса, Он ушел туда, откуда пришел.

Князь Мышкин приехал из далекой Швейцарии, где вел жизнь идиота в клинике доктора Шнейдера, и вернулся туда же. Потеряв рассудок после убийства Рогожиным Настасьи Филипповны, он возвращается в то царство, откуда пришел. Читатель понимает, что князь покинул этот мир безвозвратно.

«Идиот» – это роман-притча с глубоким религиозным подтекстом. Завершая его, Достоевский уже думает о новом «огромном» романе, под названием «Атеизм». Главный герой – русский человек, который теряет веру в Бога. Следующий грандиозный замысел – роман «Житие великого грешника». Но и этот роман не будет написан.

А написан будет роман «Бесы», в котором Достоевский бросит открытый вызов революционной, социалистической и коммунистической идеологии, чем на долгие десятилетия обеспечит себе славу ретрограда, монархиста, противника прогресса и просвещения.

Фабула романа основана на реальном событии – убийстве студента Иванова группой революционеров во главе с Сергеем Нечаевым. Группа называлась «Народная расправа». Иванов, один из членов группы, выступил против намеченной акции: расклейки листовок в Петровской сельскохозяйственной академии по случаю студенческих волнений в Московском университете. Нечаев, почувствовав в этом угрозу своему единовластию в кружке, решил, что Иванова надо убить, а членов кружка «скрепить кровью». В парке Петровской академии Нечаев застрелил Иванова из револьвера, а труп утопили в пруду. Однако следственные органы быстро напали на след преступников, четверо из них были арестованы и приговорены к каторжным работам. Нечаеву удалось бежать в Швейцарию.

Для того, чтобы понять, кто такой был Нечаев и какую теорию он проповедовал, следует заглянуть в написанный им «Катехизис революционера»: «Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией... Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное

разрушение».

Это, конечно, далеко от романтических теорий декабристов и от социалистических утопий петрашевцев. И когда нечаевская идеология нашла свое воплощение в убийстве студента, это событие ужаснуло Достоевского. Он понял, в какую бездну могут сбросить Россию революционеры подобного рода. С «лихим разбойничьим миром» он был знаком не понаслышке: на каторге он видел многих представителей этого мира. Он представлял себе, что произойдет с Россией, если она окажется в их руках. И решил сделать грозное предупреждение.

В 1867 году Достоевский посетил в Женеве конгресс «Лиги мира и свободы», на котором за день до этого выступал Бакунин. Свои впечатления от конгресса Достоевский описал в письме к племяннице: «…Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру. Большие государства уничтожить и поделать маленькие; все капиталы прочь, чтоб все было общее по приказу, и проч. Все это без малейшего доказательства, все это заучено еще 20 лет назад наизусть, да так и осталось. И главное, огонь и меч – и после того, как все истребится, то тогда, по их мнению, и будет мир…»

Когда в 1869 году в России начались студенческие волнения, Бакунин из Швейцарии руководил революционной агитацией, которую вел среди студентов Нечаев. Если Бакунин был теоретиком, то Нечаев – практиком. То же соотношение мы наблюдаем в «Бесах» между Ставрогиным и Петром Верховенским. Ставрогин – учитель, Верховенский – ученик, но доводящий до крайности идеи своего учителя, переводящий в практическую плоскость то, чему когда-то научился от него в теории.

Образ Петра Верховенского в наибольшей степени отражает то омерзение, которое испытывал Достоевский к революционному подполью. Если образ Ставрогина овеян романтическим ореолом, то Петр Верховенский лишен всякой красоты, хотя бы только внешней. Это не демон, это мелкий бес: «Слушайте, мы сделаем смуту, – говорит он Ставрогину. – …Мы проникнем в самый народ. Русский Бог уже спасовал пред “дешовкой”. Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты… О, дайте взрасти поколению!.. Ах, как жаль, что нет пролетариев! Но будут, будут, к этому идет…»

В грозных знамениях времени Достоевский видит предвосхищение грядущих бедствий. Россия протянет еще целые 45 лет до того, как революционная стихия окончательно поглотит ее и бесы придут к власти. Во имя свободы, равенства и братства всю страну охватит «красный террор». Будут уничтожены целые классы и сословия: дворянство, зажиточное крестьянство (так называемое кулачество), интеллигенция, казачество. Будет поставлена цель уничтожить Церковь путем физического истребления духовенства. Страну охватит массовое безумие, воинствующий

атеизм будет провозглашен государственной идеологией.

Неверно видеть в Достоевском лишь консерватора в борьбе с прогрессистами, противника социализма и сторонника капитализма, защитника монархии и отрицателя конституционного строя, славянофила, противостоящего западникам. Достоевский прозревал глубже и видел дальше. Он видел глубинные корни революционного движения и предсказывал, к каким катастрофическим последствиям оно приведет.

Во времена Достоевского спорили о путях справедливого переустройства общества. Одни выступали за эволюционный путь, другие – за революционный. Но Достоевский был единственным, кто разглядел в революционной идеологии бесовскую сущность. Ни Белинский, ни Тургенев, ни Герцен, ни Толстой ее не видели, а потому каждый из них по-своему заигрывал с революционерами, по-своему сочувствовал им. В этом проявлялась их духовная близорукость, причиной которого было отсутствие подлинного религиозного опыта. Достоевский из глубины этого опыта узрел суть грядущей революции и ужаснулся ей.

Что противопоставляет Достоевский революционной стихии, атеизму и нигилизму? В романе «Бесы» есть глава, которую не пропустила цензура. Именно она дает ключ к разгадке самоубийства Ставрогина. Она называется «У Тихона». Это старец, к которому приходит Ставрогин, чтобы рассказать о совершённом преступлении. Он еще один герой, через которого Достоевский пытается подступиться к образу Христа.

Достоевскому понадобилось пройти через эшафот и каторгу, чтобы отказаться от иллюзий молодости и прийти к убеждению, которое он вкладывает в уста своего героя: «Атеист не может быть русским», «не православный не может быть русским». Достоевский верит, что спасение России и каждого русского человека – в подлинно народной вере, в Православии, во Христе. В этом – главная мысль его Евангелия.

Ну и, наконец, роман-эпопея «Братья Карамазовы». Это вершина творчества Достоевского. Он подводит своеобразный итог всего творческого пути Достоевского. Здесь писатель выводит еще двух христоподобных героев – послушника Алешу Карамазова и старца Зосиму. Роман написан под впечатлением поездки в Оптину пустынь – известный на всю Россию монастырь, где Достоевский встречался и беседовал со старцем Амвросием, ныне прославленным Церковью в лике святых. Именно преподобный Амвросий Оптинский – главный прототип старца Зосимы.

Мир Достоевского – это, по большей части, мир неврастеников, истериков, эпилептиков, людей, одержимых какой-то идеей и ради этого готовых на преступления, людей надорванных, надломленных, раздвоенных, раздираемых страстями и противоречиями. На этом фоне образ

старца Зосимы выделяется своей цельностью, неотмирностью. Он не главный герой романа «Братья Карамазовы», но в романе занимает духовно центральное место. Он – тот идеал Христовой любви, который Достоевский противопоставляет окружающей действительности. Из трех братьев Карамазовых только один – Алеша – по своему характеру и умонастроению приближается к этому идеалу. Остальные же персонажи романа отстоят от него очень далеко.

Как это бывало и в предыдущих романах Достоевского, своих героев он наделяет собственными чертами и в их уста вкладывает свои мысли. При этом в образе Дмитрия Карамазова иногда видят отражение молодого Достоевского в тот период, который закончился каторгой; Иван отражает период увлечения идеями Белинского, а Алеша – тот идеал, к которому Достоевский стремился в послекаторжный период, когда в нем произошло «перерождение убеждений» и он обрел Христа.

Алеша Карамазов – один из самых светлых образов в русской литературе. Он очень религиозен, хотя «вовсе не фанатик и… даже и не мистик вовсе». Он любил людей и, «казалось, всю жизнь жил, совершенно веря в людей». С первых страниц книги он открывается как евангельский христоподобный идеал. Многое роднит его с князем Мышкиным. Однако Достоевский не наделил его чертами болезненности: в отличие от Мышкина, он не был ни эпилептиком, ни «идиотом» в глазах окружающих. Наоборот, розовощекий юноша пышет здоровьем и силой.

Достоевский не был бы самим собой, если бы оставил Алешу в монастыре. Сам старец Зосима перед кончиной посылает его в мир: «Не здесь твое место пока. Благословляю тебя на великое послушание в миру. Много тебе еще странствовать. И ожениться должен будешь, должен». И Алеша после смерти старца покидает монастырь, чтобы погрузиться в мир карамазовских страстей, но остаться внутренне непобежденным.

Центральная тема творчества Достоевского – страдания человека. За что и почему он страдает? Куда смотрит Бог, когда страдает человек? Можно ли верить в справедливого Бога, если вокруг столько несправедливости и Бог ее попускает? Эти вопросы волновали и Достоевского на протяжении всей жизни. Тема страданий, вопрос о смысле страданий – сквозная тема его творчества. В «Братьях Карамазовых» она поднята с особой силой и остротой.

В разговоре с Алешей Иван Карамазов говорит о страдании детей, приводя в пример пятилетнюю девочку, которую родители подвергали всевозможным истязаниям. Алеша не отвечает прямо на вопрос о смысле страдания детей. Но он горячо откликается на слова брата о том, что нет на земле человека, который мог бы простить за злодеяния по отношению к детям: «Брат, ты сказал сейчас есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Но существо это есть, и оно может всё простить, всех и вся и за всё, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и за всё».

Христос – вот Тот, Чьи страдания придают смысл страданию любого человека. Он воплотившийся Бог, и Он Сам прошел путем страдания и смерти, чтобы искупить людей и открыть им путь к воскресению. Каждый, кто страдает по своей вине или безвинно, может в своих страданиях ощутить Его присутствие.

В романе есть одна фигура, которая долгое время остается как бы за кадром, но в какой-то момент появляется в кадре: это Иисус Христос. Достоевский долго подступался к этому образу. У него было даже намерение написать «книгу об Иисусе Христе», как свидетельствует список будущих произведений, составленный им накануне Рождества 1877 года. К пониманию образа Христа Достоевский пытается приблизиться через образы христоподобных людей: князя Мышкина, Тихона, старца Зосимы, Алеши Карамазова. Но настойчивое и многолетнее желание написать что-то о Самом Христе его не оставляло, и он включает в роман «Братья Карамазовы» целую главу, в которой Христос является действующим лицом.

Эта глава называется «Великий инквизитор». Действие разворачивается в средневековой Испании. В Севилью, где только что была сожжена на костре чуть ли не сотня еретиков, является Христос. «Он появился тихо, незаметно, и вот все – странно это – узнают Его… Народ непобедимою силой стремится к Нему, окружает Его, нарастает кругом Него, следует за Ним. Он молча проходит среди их с тихою улыбкой бесконечного сострадания. Солнце любви горит в Его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей Его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью. Он простирает к ним руки, благословляет их, и от прикосновения к Нему, даже лишь к одеждам Его, исходит целящая сила».

Вот он – тот «сияющий образ Христа», который Достоевский искал всю жизнь. Перед входом в Севильский собор Христос исцеляет слепого, воскрешает девочку. А дальше на сцене появляется 90-летний старик, кардинал Великий инквизитор, который приказывает арестовать Христа. Начинается Его разговор со Христом, в чем-то напоминающий допрос Христа у римского правителя Понтия Пилата, когда Пилат задавал Ему много вопросов, а Он «не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился». Разница между Пилатом и инквизитором заключатся в том, что первый ждал ответов от Иисуса, а второй не ждал. Он выступает как обвинитель, и его речь – это монолог, не предполагающий ответа.

В споре между Христом и дьяволом Великий инквизитор стоит на стороне дьявола. Он считает, что Христос ошибся, отвергнув три искушения, и что в долгосрочной исторической перспективе христианство потерпит поражение.

Острие критики Достоевского в «Великом инквизиторе» направлено не на католичество, как

можно было бы подумать на основании поверхностного прочтения этой главы, а на социализм, основанный на представлении о возможности построения человеческого счастья без Бога, без духовно-нравственных ценностей, на основе одного только «хлеба» – материального благополучия и довольства, купленного ценой потери свободы.

Человек не создан для свободы, считает инквизитор, «нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается». Дай человеку материальное благосостояние, накорми его, «и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба».

Собеседник Христа описывает, на каком принципе будет построено общество всеобщего благоденствия: «Получая от нас хлебы, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлебы, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда». Здесь опять мы слышим ясный намек на социалистическую идею: люди своими руками добывают материальные блага; задача социалистического государства заключается в том, чтобы отнять у них прямой доступ к продукту их труда и перераспределять материальные блага по своему усмотрению, так, чтобы люди находились в полной зависимости от власти.

Гениальность Достоевского заключалась в том, что он указал на религиозный характер социалистической идеологии, точнее, на ее псевдорелигиозный характер. Социализм – это лже-религия, он, по словам философа Николая Бердяева, «хочет быть новой религией, ответить на религиозные запросы человека. Социализм идет на смену совсем не капитализму… Социализм идет на смену христианству, он хочет заменить собою христианство».

Христос так до конца и молчит, Он ничего не отвечает Великому инквизитору, потому что все ответы Он дал в Евангелии. И Великий инквизитор, не услышав от Него ни слова, отворяет перед Ним дверь и отпускает его.

В последние месяцы жизни Достоевский тяжело болел. У него развилась эмфизема легких, из-за которой он постоянно задыхался. За два дня до смерти у писателя началось сильное горловое кровотечение. Он даже потерял сознание. Когда его привели в себя, Федор Михайлович сказал жене: «Аня, пригласи немедленно священника, я хочу исповедаться и причаститься!» Достоевский долго исповедовался, потом принял Святые Таины. На следующий день кровотечение не повторялось.

На третий день утром жена, проснувшись, увидела, что муж пристально смотрит на нее: «Знаешь, Аня, – сказал Федор Михайлович полушепотом, – я уже часа три как не сплю и все думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру». Он попросил жену дать Евангелие – то самое, которое

Наталья Фонвизина подарила ему, когда он прибыл в Тобольский острог. Это Евангелие всегда лежало у него на столе. Часто, задумав что-либо или сомневаясь в чем-то, он открывал Евангелие наугад и читал то, что открылось. Так сделал он и теперь: открыл книгу сам, а прочитать дал жене. Она прочитала: «Иоанн же удерживал его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду». «Ты слышишь “не удерживай” – значит, я умру», – сказал Достоевский и закрыл книгу.

Он умер в тот же день. Кончина его была «безболезненной, непостыдной, мирной», подлинно христианской. Перед смертью он благословил каждого из своих четырех детей, а Евангелие, подаренное в Тобольском остроге, велел передать сыну Федору. Сегодня это Евангелие хранится в Российской государственной библиотеке.

У Достоевского была мечта. Она выражена в одной из его записных книжек середины 1870-х годов: «Я верую в полное царство Христа. Как оно сделается, трудно предугадать, но оно будет. Я верую, что это царство совершится… И пребудет всеобщее царство мысли и света, и будет у нас в России, может, скорее, чем где-нибудь».

Достоевскому не суждено было увидеть, как сбудется эта мечта. То, что происходило на его глазах, свидетельствовало, скорее, об обратном: об отходе от Христа значительной части русских людей, об их увлечении нигилистическими и социалистическими идеями. Как подлинный пророк, он предостерегал, бил в набат. И не уставал напоминать о том, в чем видел спасение России: о сияющем образе Христа, о Его пресветлом лике, Его чудесной и чудотворной красоте.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/88078/